

ОТКЛЮЧАЙ

Ребека Уна

Встречное движение

Ребека Уна

Отключай

«Самокат»

2015

УДК 821.172-313.2-93
ББК 84(4Лит)6-445

Уна Р.

Отключай / Р. Уна — «Самокат», 2015 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-91759-850-5

Персонажи этой книги живут в стерильном мире будущего: без вещей и без ощущений, под все большим контролем виртуальной системы. Четырнадцатилетним Грите и Мантасу придется решать, превратиться ли в часть системы или попробовать остаться самостоятельными. Только возможно ли это, когда виртуальный мир посягает на всё, даже на чувства? В 2014 году книга стала победителем первого в Литве конкурса литературы для подростков и молодежи.

УДК 821.172-313.2-93

ББК 84(4Лит)6-445

ISBN 978-5-91759-850-5

© Уна Р., 2015
© Самокат, 2015

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ребека Уна Отключай!

Перевод этой книги был осуществлен при поддержке Института культуры Литвы.

REBEKA UNA
ATJUNK

Перевод с литовского Александры Васильковой

Часть первая

– Вот если Але про поцелуи рассказать, какие они были, ей противно станет. А я порылась, кое-что про них накопила, и, когда почитала, мне понравилось. Почему – не знаю. Может, у меня какие-то эволюционные дефекты и я не приспособлена к современной жизни. Я, например, прочитала, что раньше люди то и дело целовались. Они взаправду целовались, теперь такое было бы совершенно немыслимо. Все прекрасно знают, что, когда целуются взаправду, участники поцелуя раскрывают рты, сцепляются языками и мгновенно обмениваются миллионами бактерий. Слизистая оболочка рта усеяна сотнями тысяч микробов, грибов и других микроорганизмов. Это очень негигиеничная полость. Мы тоже целуемся, но по-другому. Мы избегаем всяких инфекций. И никогда не боимся, ну, почти никогда.

* * *

Эй, можно тебя потревожить?

– Ты меня никогда не тревожишь. Это невозможно.

Ох, все время забываю.

– Представляешь, я докопалась до инфы насчет поцелуев.

– Ты хочешь сказать – взломала информацию?

– Нет. Докопалась.

– А, ты об этом.

Вижу перед собой Алу, лицо у нее бледное и чистое, и не догадаешься, что раньше на нем веснушек было – как зубчиков на ускорителе. Я знаю, каким шампунем она вымыла голову и что ела перед тем, как мы увиделись.

– Расскажу, когда встретимся, – говорю я.

Ала пожимает плечами и выдувает мятный пузырь.

– А сейчас нельзя? Намекни хотя бы.

– Увидишь – сама поймешь.

– Что там такого уж интересного? Мы же каждый день целуемся. М-ма! – Это она меня чмокнула. – Эй, а где твой поцелуйчик? – Ала взвизгивает и пинает меня – конечно, по-дружески.

– На, получай. – Я отсыпаю ей штук восемь.

Мы еще некоторое время так развлекаемся, потом она спрашивает:

– Ты уроки сделала?

– Ага, – говорю. В восьмом классе домашними заданиями не перегружают. – А ты что подельваешь?

– Не видишь, что ли? Путешествую, в баскетбол играю, катаюсь верхом, совершенствую мотоцикл.

– Тот самый, химический?

– Другой уже. С тонким диском. Лететь будет, как прадедовская ракета.

Глаза у Алы горчичного цвета. Когда я их видела? Тысячу лет назад.

– Ладно, не будем про поцелуи. – Я чувствую, как соскучилась по ней. – Давай просто так увидимся.

– Мы все время видимся, детка.

И правда. Я забыла.

– Это ты что сейчас сделала – вздохнула? – Ала уже отвернулась от меня, но теперь опять прицепилась. – Ты же знаешь, как это называется: *тоска*.

– Знаю, знаю.

Нехорошая вещь. Звучит как ругательство. Ала легко приспособилась, а мне все еще трудно. Я, наверное, по-другому устроена. Не такая совершенная.

* * *

Хорошо поговорить с Алой. Мы с ней каждый день видимся. Болтаем обо всем подряд – о родителях, о друзьях, о программировании, о бионах. Иногда наши разговоры состоят из одного слова, но даже и тогда я понимаю Алу, и она меня понимает.

И все же кое-чего я Але сказать не могу. Не знаю почему. Наверное, стыжусь, что я не такая сильная и продвинутая, как она. Мне нравятся странные вещи – например, меня тянет встречаться с людьми. А вот Ала – одиночка и гордится этим. Она убежденная невстречальщица. Еще меня тянет смотреть старые мультфильмы. Они для малышей, ничего особенного, но я оторваться не могу. Мне нравится смотреть про Винни-Пуха, а для восьмиклассницы это очень большой недостаток. Еще мне нравится *рыться* в старых книгах и журналах, там я и нашла эти сведения насчет поцелуев.

Ала догадывается про некоторые мои позорные слабости и все время меня тюкает:

– Опять на тебя *тоска* напала. Нехорошо, регресс.

Все недостатки теперь списываются на старинную тоску. Ала, когда вырастет, скорее всего, станет инспекторшей. Или будет издавать новые законы. Или сделается специалисткой по качеству жизни. Она так уверена в себе, в других и даже во мне. Уверена, что я вот-вот исправлюсь. Может, и так. Ала меня поддержит, ей все дается проще и легче.

Сегодня было шесть уроков: по два – программирования и шестимерного конструирования, и одна математика, и грамматика последним уроком. В классе больше ста учеников, однако всегда полная сосредоточенность, быстрота и никакого шума. Мама все вспоминает шум. Когда она училась в школе, в классе было человек двадцать, и все ходили на голове. *Кошмар*, говорит мама и грустно улыбается. Особенно для учителей. И еще ученики чем угодно занимались кроме учебы. Кто-то ныл про свою любовь, другие играли в карты, некоторые под партой нажимали на кнопки мобильных, а несчастные учителя работали укротителями. Поучиться удавалось разве что в старших классах, перед самыми серьезными экзаменами.

Теперь мы занимаемся тихо и целеустремленно. Получаем задания и не тратим времени понапрасну, а потому учимся всего по четыре часа. Сегодня на уроке грамматики нам дали задание придумать предложения с деепричастиями и причастиями и научиться использовать такие конструкции. Например, предложение с деепричастием: «Конструируя новый образ, я прочитала утренние новости». Или предложение с причастием: «Если у тебя есть пришедшие в негодность органы, непременно обратись к терапевту». Вообще-то мы разговариваем более короткими предложениями, так что причастия и деепричастия выглядят смешно, но учительница уверяет, что кое-какие конструкции из прошлого для нас обязательны. Но все равно и мы знаем, и сама учительница знает, что наиболее совершенные люди высказываются коротко, потому что лучше понимают. В идеале надо понимать с полуслова. Или с одного символа. Так считает Ала.

И мама тоже. Мне нравится с ней разговаривать, она помнит интересные вещи из прежних времен. Наверное, маме было еще труднее измениться, чем мне.

– Вы и тогда, – спрашиваю, – друг друга с полуслова понимали?

Ала не захотела встретиться со мной после уроков, так что можно поговорить с мамой.

– В общем да, – отвечает она.

– Но ведь вы виделись не каждый день.

– Мы встречались чаще, чем...

– Но не так, как мы. Мы-то все постоянно видимся и разговариваем друг с другом.

– Ты права. Не так часто, как вы теперь.

Трудно понять, что она думает. Чаще всего она ждет, пока я опять о чем-нибудь спрошу. Мама говорит, что сейчас я задаю больше вопросов, чем в четыре года.

– Сколько у тебя было подруг?

– Четыре, – помолчав, и довольно долго помолчав, отвечает она и улыбается. – Странно, да?

И правда странно. Теперь у каждого подростка самое меньшее несколько тысяч друзей.

Вообще-то нет, на самом деле я не знаю, странно ли это. Не знаю, какие времена лучше – наши или мамины, когда она была в моем возрасте. Интересно слушать ее рассказы, только она часто замыкается и ничего не говорит. Оправдывается тем, что не хочет *сбивать меня с толку*. Ведь теперь мы все привыкаем к новому.

– А люди правда целовались? – спрашиваю я.

– Мы и теперь целуемся, – спокойно отвечает она.

– Мама, – говорю, – ты же знаешь, о чем я.

– Тебе очень интересно? – Она внимательно смотрит на меня – так не смотрит даже Ала.

Мама вздыхает. Досталось бы ей сейчас от Алы – сама-то Ала никогда не вздохнет, я ни разу ее вздохов не слышала.

– Это не для детей? – спрашиваю.

– Что не для детей?

– Поцелуи.

– Да нет же, – смеется мама. – Очень даже для детей. Мы ведь дарим поцелуи тем, кто нам дорог!

Она отворачивается, смотрит в сторону. Как ни вытягиваю из нее, как ни пристаю, как ни стараюсь докричаться – мама держится стойко.

И тут до меня вдруг доходит.

– Мама, тебе ведь теперь труднее стало?

– Почему труднее? – Она опять смотрит на меня, на этот раз – сильно наморщив лоб. – Грита, даже не думай об этом. Раньше было много боли, теперь все проще. Ты разве не заметила, что нам больше не приходится страдать?

Да, конечно. Только почему-то любое охватившее меня чувство называют *симптомом*. *Пережитком* прошлого. Или *тоской*. Но как же можно тосковать по тому, чего не знаешь? По тому, что никогда с тобой не случилось? Взять хотя бы эти странные поцелуи. Почему, едва увидев ту фотографию, я захотела целоваться, как на ней, обмениваться миллионами бактерий? Ала немедленно отправила бы меня к терапевту.

Сказать бы маме правду – то, чего я не говорю Але. Хочу сказать ей, что не уверена, проще ли теперь. Точнее, проще ли теперь мне. Однако мама склонилась над своей работой, что-то пишет. На висках у нее два завитка, и мне приходит в голову, что мама – образец симметрии. Раньше, наверное, сказали бы – *безумно красива*. *Крышу сносит*, до чего хороша. Теперь у нас ни от чего крышу не сносит. Теперь надо высказываться куда точнее.

Мама молодая, у нее даже не видно морщинок вокруг глаз, какие появляются у меня, когда начинаю хмуриться, а в последнее время я это делаю часто. Я вдруг так соскучилась по маме. И почему я такая? Что мне с собой делать?

– Мама, – говорю, – когда мы встретимся?

Она поднимает на меня темно-синие глаза, смотрит, потом открывает рот, и я думаю, что сейчас она меня отругает, как Ала. Но голос, который я слышу, звучит совсем как в детстве:

– Мы ведь видимся, или тебе этого недостаточно?

Кажется, что ее голос совсем рядом, у меня где-то между шеей и ухом. У самого левого уха. Чувствую, как по коже бегут мурашки.

– Достаточно, – говорю и сама удивляюсь, почему я такая. Готовая сразу же подчиниться.

* * *

У моей сестры жизнь другая, но только потому, что сестра еще маленькая. Каждый день она уходит в свою начальную школу в восемь утра и возвращается около двух. Ей семь лет, и ей странно, что я в свои четырнадцать хочу быть, как она, семилетней.

– Расскажи что-нибудь, – мычу я, растянувшись на полу.

– Про что?

– Да хоть про что.

– Ну-у-у ладно, – говорит Ина. – Так про Итру или про письменную работу? Или про то, как резали моделин?

– Резали моделин? – Я подпираю руками подбородок. – Про все, Ина. Про все расскажи.

И Ина рассказывает. Это еще одна моя слабость, или мой недостаток. Ала о нем не знает. У Алы есть младший брат, но я ни разу от нее не слышала, чтобы она расспрашивала его про школу.

Ина – болтушка, она любит рассказывать. Сегодня глины было немного, поэтому им приходилось делиться, и они даже подрались. Ине нравятся такие уроки. У этой глины странный запах, а если измажешься, она быстро осыпается. Ина улыбается так, что в блокноте ее улыбка весь экран бы заполнила. Представляю себе этот урок. Я бы тоже потом так улыбалась.

– Дай руку.

Она знает, почему я об этом прошу. Я и в тот раз просила, после урока, на котором они работали со свежими красками. Тогда я прижала к носу ее ладошку и глубоко-глубоко вдохнула. Кажется, мне в горло влились все краски, какие Ина трогала в классе.

– Фантастика, – говорю я.

На этот раз улавливаю что-то вроде клея или шампуня. Я уже не помню запаха полимерной глины, я ведь давно не в начальной школе.

Ине странно, что меня это так занимает. Она-то старается в школе не пачкаться, только не всегда выходит – еще и потому, что Итра нарочно крошит моделин ей на голову. Или сыплет за шиворот.

– Прошу тебя, пачкайся, – говорю Ине и знаю, что глупее этого не придумаешь. – Каждый раз пачкайся, как будет урок труда.

Ина во все глаза глядит на меня. Ей странно, что я так говорю, но она еще не умеет, как Ала, призвать меня к порядку.

– Нам велят отчищаться, – говорит она. – После труда мы долго отчищаем руки.

– Тебе не обязательно отчищаться до конца, – говорю ей.

– И когда Итра меня забросает?

И когда Итра ее забросает?

У меня ноет в животе. Я понимаю, что завидую и тому, как Итра обсыпает ее раскрошенной глиной. Ина рассказывает, что дети изрисовали стены в классе. Теперь такое случается вдвое реже, чем в прошлом году, потому что теперь они рисуют нормально – в блокнотах.

Потом Ина перестанет ходить в школу. Она будет учиться мало и недолго. Такими и были наши прогрессивные планы: как можно меньше учиться, как можно меньше работать. Все равно на это времени не остается. Мы постоянно ищем информацию, живем ею. Мы постоянно подключены. Папа говорит мне, что у нас мозги по-другому устроены. Мы быстро сортируем, принимаем и отбрасываем информацию. Мы учимся фильтровать, процеживать, и это нас не раздражает. У нас дисперсное, рассеянное внимание. Нас бы раздражало отсутствие постоянного притока информации. И еще раздражало бы, если бы приходилось читать книги. Бумажные. Папа рассказывал, как читал «Двадцать тысяч лье под водой». Или «Таинственный

остров». Ужас. Столько страниц. Он сказал, что в тринадцать лет прочитал за день четыреста сорок пять страниц. Это был его личный рекорд. Клянусь блокнотом!

Мы книг не читаем. Таких длинных, я имею в виду. В день мы прочитываем намного больше страниц, но мы читаем тексты, цитаты, короткие блоки. Сканируем. Пробегаем глазами. Словно конструируем здание из отдельных деталей. Информация настолько разнообразна, она так быстро меняется, что погрузиться в целую книгу длиной в четыреста сорок пять страниц означало бы углубиться исключительно в один предмет, оторваться от действительности, может, даже пробудить воображение. А это опасно и непрактично.

Папа сказал, когда читаешь приключенческую книгу, самое лучшее – все себе представлять, отождествлять себя с ее героем. Тогда забываешь о том, что лежишь на диване, – и плывешь на корабле, который кренится и раскачивается на волнах, или стремглав убегаешь от одноглазого пирата. Иногда даже пот прошибает, пока читаешь.

Не знаю, не знаю. Для меня это нечто из области фантастики. Может, и хорошо, но так неправдоподобно. И зачем это надо? Нас, когда мы читаем, никакой пот не прошибает. Мы вообще стараемся как можно меньше волноваться. Теперь нет ни паники, ни переживаний. Все совершенно спокойны.

* * *

Мне нравится валяться на полу и ни о чем не думать. Совсем ни о чем. Ала сразу сказала бы, что в наше время это самое последнее дело, хуже не бывает. Развалиться можно только в кресле, которое приспособляется к твоему телу, а мыслить необходимо постоянно, причем дисперсно.

Поэтому я никому не рассказываю про свои недостатки. Про то, что мне хочется пособачьи обнюхивать Ину и вдыхать странные запахи всего того, в чем выпачкана ее школьная форма. Такие запахи можно найти в системе, и мы там прекрасно все чуем, видим и ощущаем, но я, наверное, отсталая старьевщица. Надеюсь, со временем я от этого недостатка избавлюсь, как головастик избавляется от хвоста. Правда очень надеюсь, потому что мое несовершенство даже меня саму начинает утомлять.

Меня все еще тянет встречаться. Я знаю, что давно должна была это перерастить. Кроме того, я знаю, что вреда от таких встреч куда больше, чем пользы, потому что они тоже несовершенны. Мама как-то сказала, что не разговаривала с подругами по нескольку недель. А с лучшей подружкой однажды не разговаривала полгода.

– Как же ты выдержала? – спросила я.

Мама пожала плечами:

– Очень просто.

Очень просто? Ведь у нее было только четыре подруги.

– Конечно, было немного грустно. Потом мы помирились.

– А люди часто ссорились?

Мамин лоб прорезали две бороздки.

– Частенько.

– Но почему?

– Чем люди ближе, тем чаще ссорятся, – выдала мама.

Но потом пожалела об этом.

Сегодня я снова спрашиваю:

– Вы часто встречались и потому ссорились, что ли?

Мама вздыхает. Нехорошо. От Алы ей бы точно влетело.

– Мама?

– Что, Грита?

– Когда люди встречаются, у них не получается общаться?

– М-м-м, – мычит она, и я вслушиваюсь, нельзя ли различить вздох в этом мычании. – Ссорились, потому что люди – разные. У них разные характеры, разные темпераменты. И еще эмоции.

– Как понять – *эмоции*? Это символы? Смайлики?

– Это не символы, а чувствование, способ чувствования. У тебя не бывает так, что поспоришь, вспылишь и, если сразу не помирились, потом не разговариваешь?

– Не бывает.

Что правда, то правда. Пытаюсь вспомнить, когда мы с Алой ссорились. Почти никогда. Мы с ней просто разговариваем. Если я чего-то не понимаю, она говорит: «Ай, хватит об этом». Если она не понимает, я тоже не пытаюсь объяснить. «Как-то так», – говорю. Иногда мы еще прибавляем: «Ай, не бери в голову, все нормально». Между нами почти всегда мир. Без войн и примирений.

– А когда ты с подругой не виделась, вы хотя бы по телефону разговаривали? – Я не хочу закрывать тему.

– Не разговаривали.

– Вообще никак?

– Никак.

Не могу придумать, что еще спросить. Как она выдержала? Может, болтала с тремя другими подружками? А может, читала бумажные книги? Но мама сама говорит, словно ее кто за язык тянет:

– Хочешь узнать, как я тогда себя чувствовала?

Она, наверное, тоже отличается от других, как и я. Вообще-то подростки мало разговаривают с родителями.

– Ага.

– Ничего трагического. В конце концов на нас тоска нападала, и мы больше не могли друг с дружкой не разговаривать.

Мамины губы крепко сжаты. Потом она, не вытерпев, начинает смеяться:

– Ну что ты на меня смотришь, как на загнанный блокнот?

– Мама.

– Ну ладно, ладно. Знаю.

* * *

Ала говорит, что единственный способ избавиться от странностей – постоянно оставаться подключенным. У меня в системе около тысячи друзей. Мало, потому и говорю, что я отсталая – наверное, безнадежно. Так вот. Друзья. Я вижу, как они одеваются, умываются, крутятся в ускорителях, делают покупки в магазине, учатся и конструируют. Мы разговариваем обо всем, комментируем новости, исследуем созвездия и путешествуем. Занимаемся спортом. Случается и посмеяться. Иногда хохочем до упаду. На прошлой неделе Рокас только с третьего раза сумел вылезти из душевой. Не знаю, что с ним сделалось, но он ухитрился поскользнуться и выронить блокнот. В первый раз ему подвернулось под руку полотенце, за которое он, зашатавшись, ухватился, а когда вставал – выронил блокнот, и тот скрылся в пене. Блокноты у нас водонепроницаемые, но все равно он растяпа. Что поделаешь. Мы становимся все более неуклюжими. Как объяснила наша учительница здоровья, это связано с некоторыми несовершенствами мозга и тела. Но скоро для нас изготовят специальные микросхемы, которые помогут сформироваться новым ощущениям равновесия. И не над чем здесь смеяться, когда кто-то поскользнется на мокрых плитках. А вообще мыться в душе становится опасно. Лучше уж использовать защиту.

Я уверена, у меня с равновесием полный порядок, потому что я бегаю. Никому не хвастаюсь, даже Але, но, думаю, она догадывается. И завидует. Один раз сказала:

– Не понимаю, как другие еще могут бегать. У меня в голове начинает шуметь и в ушах звенит.

– Раньше все бегали, – ответила ей то, что слышала от мамы.

– Во времена динозавров.

Трудно понять, весело Але от этого или грустно.

– Моя мама на дереве сидела, – еще похвасталась я.

– Не ври. – Ала мне не поверила.

Но, наверное, ей хотелось сказать, что просто моя мама *выламывалась*.

Я и сейчас бегу. Несколько кругов вокруг стадиона. Мама напонила, чтобы я взяла с собой защиту, но мне в ней не очень удобно. Бросаю шлем, наколенники и налокотники рядом с дорожкой и бегу. Таких, как я, мало, может, еще один или два. Мне нравится бегать еще и потому, что в это время голова по-другому работает. И я чувствую себя смелой. Придумываю всякие странные вопросы и ответы, совершенно не связанные с моей жизнью. Когда я дома, я себе таких вопросов не задаю, потому что это называется *напрасно тратить время*. Бегаю и потому, что тогда чувствую себя как Ина, которая еще ходит в школу. Как-нибудь схожу с Иной в ее школу. Только ради запахов. Обязательно. Вижу Алу. Торчит передо мной в белой майке, с растрепанными кудрями и не переставая жует свою резинку без сахара. Зубы у нее безупречные, но она жить не может без этой резинки. Когда бегу, я смелая, поэтому решаю подразнить Алу:

– Не поверишь – я собираюсь влезть на дерево.

– Ну так вперед. – Она мне не верит.

– Сама увидишь. Шестой круг заканчиваю.

– Который?

Она провожает меня глазами и ни на вот столечко не верит – по ней видно. Я немного волнуюсь, но бег помогает расслабиться, и я точно знаю, что сделаю это.

Залезу.

В городе находить деревья все труднее, но на стадионе, к счастью, они еще есть. Я присмотрела два, у которых нижние ветки растут не слишком высоко.

– Ты правда залезешь? – Ала видит, что я не шучу. – А ты всегда такая румяная, когда бегаешь? – спрашивает она.

На бегу я дышу по-другому, и Ала это замечает. И румянца у нас такого не бывает, когда крутимся в ускорителе.

– Похоже на то. Только ради этого уже стоит побегать, – говорю ей и, вместо того чтобы рассказать про странные мысли, ради которых тоже стоит бегать, прибавляю: – Клянусь макушками предков.

Наши родители и деды верили, что без Бога они ничто, потому и божились. Мы были бы ничем без блокнотов. Без системы и без блокнотов нас бы вообще не было. Когда я бегаю, эта мысль становится смешной. Шестой круг. На бегу присматриваю себе дерево, пытаюсь вспомнить его название. Нет, не помню. Нижняя ветка сломана, но и обломка достаточно, чтобы ухватиться. Другие ветки толстые и крепкие, для моего веса – в самый раз. Сбавляю скорость. Еще несколько шагов, и...

– Эй. – Ала выдувает пузырь мне в лицо. – Я сейчас...

– Смотри, – перебиваю ее, потому что к шестому кругу совсем осмелела.

С разбега бросаюсь к дереву. Ускорение. Главное – ускорение. Не останавливаться, а то меня откинет назад и я потеряю равновесие. Вцепляюсь в ветку будто клещами, левой ногой упираясь в ствол. Теперь подтянуться, напрягая мышцы, – и наверх. Я не останавливалась,

запрограммировала себя положительно, поэтому дерево не сковывает мне руки, голова не кружится от всей этой листвы, как в первые разы, всплеск адреналина подстегивает, и я цепляюсь за другие ветки.

Одноклассник рассказывал, что, когда он однажды лез на дерево, его вырвало. Неуклюже ползу вверх и все думаю про маму, которая в детстве свободно лазила по деревьям, – может, потому меня и не тошнит. Ноги уже на нижних ветвях, за которые я только что цеплялась, правой рукой я ухватилась за тонкую ветку прямо перед носом, левой за ствол. Я на дереве не в первый и не во второй раз, но чувствую себя неуверенно, мне бы сейчас третью руку – было бы лучше.

Все это и говорю Але, потому что она не перестает визжать:

– Клянусь блокнотом! Мне и смотреть-то на тебя тошно! Хорошо, что ты в длинных штанах, а то полный был бы трындец!

Я бы очень хотела надеть короткие шорты и голенью обвить ствол. Но это неприлично и негигиенично. Меня увидели Томас с Олегасом – и тоже завизжали. Показывают, как у них волосы дыбом встают. Ой, только не умирайте.

– Где твое сообщение, Грита? – слышу я.

Лица Алы и Олегаса светятся в блокноте лазерными блинами. Уже и другие глазают. Быстро все отреагировали, еще бы – такое событие.

– Приходите ко мне на дерево.

– Что?

– Приходите ко мне на дерево – вот мое сообщение.

– А серьезно?

– Я серьезно.

На другой день все только об этом и говорят, но я в разговоры не вступаю. Думаю о живом дереве. Мне давно надоело смотреть, как я лезу, но несколько сотен друзей видят это и продолжают комментировать.

– Как тебе удалось? Рокас на плитках и то поскользнулся.

– Она же бегают.

– Бегают? Но ведь...

– Ты каждый день бегаешь?

– Смотри, Грита на дереве.

И так далее, и так далее.

– Трындец! Хорошо еще, что одетая.

– Мне бы семь карабинов понадобилось.

Ина тоже увидела. На следующее утро.

– Это ты на дереве? – спрашивает она, подойдя к моему столу.

– Ага. Вчера, – говорю.

Ина хочет еще посмотреть, но ей некогда.

– Ничего себе.

Она радуется, но, даже когда радуется очень сильно, и тогда говорит только «ничего себе». Дети ее возраста используют еще меньше слов, чем мы. Если Ина рядом, я и без слов понимаю, когда она особенно сильно радуется. Раз в неделю Ина с утра измеряет температуру. Сегодня тоже. Мама ее зовет, Ина идет в свою комнату, кладет руку на блокнот и садится напротив. Лазерный луч целится в середину лба – на три сантиметра выше переносицы, – и в левое запястье – над самой большой жилкой. Все. Тридцать шесть. Ее температура на два градуса выше моей. Ине до температуры никакого дела нет, зато мне интересно. Мама один раз объяснила, откуда такая разница: Ина еще младшая школьница и двигается больше, чем мы. Она похожа на наших предков, но со временем станет такой, как мы. Я тоже прикладываю запястье к блокноту и проверяю свои градусы.

– Эй, – говорит мама. – Сколько сейчас?

Она знает, но все равно спрашивает.

– Тридцать шесть и одна, – говорю, хотя она и так видит. – Я бегала.

– От бега у тебя настолько не поднимается. Что ты еще делала? – спрашивает мама.

– Залезла на дерево.

Помолчав, мама говорит:

– Хорошо, что ты мерила в Инином профиле.

– А что, это преступление?

Мама вздыхает. Ой, как бы ей сейчас досталось от Алы.

– И чего ты достигла? Грита, ты ведь хочешь избавиться от кое-каких недомоганий.

Может быть. Я уже не знаю.

– Что сказала учительница?

– Чтобы я не перестаралась. Ты же знаешь, теперь нет никаких запретов, только рекомендации.

Еще немного помолчав, мама говорит:

– С повышенной температурой ты не усовершенствуешься.

Это точно. С самого утра думаю про другое дерево. У которого нижняя ветка была бы повыше. Я не совершенствуюсь.

* * *

Мы все покупаем, не выходя из дома. В магазины за покупками ходим редко. Только Ине и другим детям ее возраста нравятся магазины. Мне, если уж я вышла из дома, больше хочется побегать или постоять под деревьями, чем топтать в торговый центр, но торговый центр – какое-никакое, а развлечение, все лучше, чем торчать в комнате.

Забываю отключиться и вижу Алу.

– Не поверишь, у меня есть для тебя новость, – говорит она.

– Ну? – отвечаю.

– Ты куда-то идешь? – спрашивает она.

– Идем с Иной в торговый центр.

– А... – Для Алы это скучища, не то что образ конструировать, она конструирует уже четвертый. – Хорошо, я согласна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.